

Ссылка для цитирования этой статьи:

Гаевой А.И., Стрельникова П.А. Диспозитивность как принцип уголовного судопроизводства: проблемы теории практики, современный взгляд // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 10. С. 24. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_10/Gaevoy.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-10a-6.

ДИСПОЗИТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАКТИКИ, СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Гаевой Александр Иванович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики,
Северо-Кавказский филиал,
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
г. Краснодар, Российская Федерация

Стрельникова Полина Андреевна

магистрант
Северо-Кавказский филиал,
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
г. Краснодар, Российская Федерация;
независимый исследователь

Аннотация. Современная российская модель уголовного судопроизводства переживает усиление согласительных и сокращённых процедур при неизменной публичной природе преследования. Это показывает проблему пределов диспозитивности: где автономия воли участников повышает справедливость и эффективность, а где рискует подменить публичные цели правосудия. Нормативная рамка задана ст. 20, 21, 25, 25.1, гл. 40 и 40.1 УПК РФ в системной связи со ст. 76 и 76.2 УК РФ; однако методики проверки добровольности, реальности заглаживания вреда и соразмерности мер остаются неоднородными в практике. Цель работы – определить допустимые границы расширения диспозитивных начал и сформулировать прикладные критерии их применения. Задачи включают анализ институтов частного обвинения, примирения, судебного штрафа, особого порядка и досудебного соглашения; сопоставление их с принципами публичности и состязательности; выработку предложений по корректировке регулирования и стандартизации судебного контроля. Методология базируется на формально-юридическом и сравнительно-правовом анализе норм УПК РФ и УК РФ, системной интерпретации взаимосвязи материальных и процессуальных

оснований прекращения, изучении судебных актов и надзорных ориентиров последних лет, доктринального обновления понятия «управляемая диспозитивность», а также на приёмах юридического моделирования типовых процессуальных ситуаций. Результаты показывают, что устойчивый баланс достигается при закреплении проверяемых критериев добровольности, достаточности и соразмерности: нормированного «судебного коллоквиума» при особом порядке; мотивированной оценки реальности возмещения при примирении и судебном штрафе; подтверждённых показателей полезности содействия при соглашениях. **Вывод:** расширение диспозитивности оправдано лишь в сочетании с усилением процедурных фильтров и сохранением «красных линий» для дел повышенной публичной значимости и уязвимых потерпевших; предложенные методические и точечные законодательные решения повышают предсказуемость, легитимность и профилактический эффект правосудия.

Ключевые слова: диспозитивность, публичность, состязательность, частное обвинение, примирение сторон, судебный штраф, особый порядок, досудебное соглашение о сотрудничестве, добровольность, заглаживание вреда.

В отечественной процессуальной доктрине под диспозитивностью в уголовном судопроизводстве понимают установленную законом возможность участников процесса по своей воле распоряжаться предоставленными правами и тем самым влиять на возникновение, пределы и прекращение уголовно-процессуальных правоотношений. Нормативная основа этой возможности складывается из конституционных и кодексовых положений: конституционный принцип состязательности и равноправия сторон задаёт рамку для автономии процессуального поведения (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ), а УПК РФ закрепляет конкретные формы распоряжения правами – от видов уголовного преследования и дел частного обвинения до примирения сторон, судебного штрафа, особого порядка и досудебного соглашения о сотрудничестве. При том что термин «диспозитивность» не назван в числе общих условий главы 2 УПК РФ, сама совокупность предусмотренных Кодексом полномочий потерпевшего, частного обвинителя, обвиняемого и иных участников придаёт этому началу системный характер и позволяет говорить о нём как о межотраслевом принципе, проявляющемся в уголовном процессе через специальные институты.

Содержание диспозитивности в уголовном процессе раскрывается через её признаки. Прежде всего, это связь с волевыми действиями участника: юридически значимые последствия наступают только при наличии заявления, согласия, ходатайства или отказа, выраженных в надлежащей форме. Так, возбуждение дела частного обвинения осуществляется исключительно по заявлению потерпевшего с соблюдением требований ст.

318 УПК РФ, а мировой судья наделён полномочиями вернуть несоответствующее требованиям заявление и прекратить производство при отказе частного обвинителя от обвинения по собственной инициативе и без давления (ст. 319 УПК РФ). Диспозитивность предполагает также предметные пределы распоряжения: участник может влиять на движении дела (начать преследование частного обвинения, согласиться на особый порядок, поддержать или не поддержать обвинение), но не может распоряжаться вопросами назначения наказания и квалификации, которые по природе относятся к исключительной компетенции суда и публичной власти. Наконец, признаком диспозитивности является формальная процедура реализации волевого акта: примирение сторон и прекращение преследования допускаются при соблюдении состава условий и при судебном контроле, а выбор особого порядка возможен лишь при установленной законом совокупности гарантий действительности и добровольности волеизъявления обвиняемого.

Место диспозитивности среди принципов уголовного судопроизводства определяется её взаимосвязь с публичностью и состязательностью. Состязательность как принцип – это регулятор структуры процесса и распределения функций обвинения, защиты и разрешения дела, отделённых друг от друга (ст. 15 УПК РФ); именно в состязательной модели распоряжение правами сторон приобретает процессуальный смысл, поскольку «материал» спора формируют сами участники, представляя доказательства, заявляя ходатайства, выбирая процедуру. Тем самым диспозитивность выступает содержательной стороной состязательности: она «наполняет» её реальным движением дела в пределах, очерченных законом и судебным контролем. Когда обвиняемый соглашается на рассмотрение дела в особом порядке без исследования доказательств при признании вины, он реализует диспозитивное правомочие, а суд проверяет добровольность и осознанность выбора – проявление публичного начала в рамках состязательной формы.

Одновременно диспозитивность жёстко ограничена принципом публичности. УПК РФ прямо возлагает на прокурора, следователя и дознавателя обязанность осуществлять уголовное преследование по делам публичного и частно-публичного обвинения независимо от усмотрения частных лиц (ст. 21 УПК РФ), а классификация видов уголовного преследования в ст. 20 УПК РФ показывает, что сфера свободного распоряжения правами максимально узка при публичном обвинении и шире при делах частного обвинения. В делах частно-публичного обвинения возбуждение допустимо только по заявлению потерпевшего, но последующее прекращение вследствие примирения законом не допускается: публичное начало здесь «перевешивает» интересы частного урегулирования, что отражает охрану публичных благ и интереса правосудия.

Система специальных институтов УПК РФ демонстрирует, как диспозитивность «работает» на каждом этапе процесса. Примирение сторон – это наиболее наглядная форма частного распоряжения, где суд вправе прекратить уголовное дело, если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, примирилось с потерпевшим и загладило причинённый вред, причём заявление и согласие потерпевшего – ключевое условие (ст. 25 УПК РФ в системной связи со ст. 76 УК РФ). Судебный штраф как мера уголовно-правового характера также реализуется через взаимодействие воли обвиняемого и оценку судом условий его назначения; прекратить уголовное дело по этому основанию можно вплоть до удаления суда в совещательную комнату (ст. 25.1 УПК РФ в связи со ст. 76.2 УК РФ). Особый порядок принятия судебного решения по главе 40 УПК РФ представляет собой диспозитивный выбор обвиняемого «сократить» судебное следствие при признании вины, согласии с предъявленным обвинением и разъяснении последствий; пределы и процедура такого выбора, в том числе возможность обжалования приговора, подробно урегулированы ст. ст. 314-317 УПК РФ. Закреплён и особый порядок при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), где волеизъявление подозреваемого или обвиняемого о сотрудничестве влечёт изменение процессуальной конструкции рассмотрения дела, но в рамках строгих публичных гарантий.

Содержательно важным проявлением диспозитивности являются дела частного обвинения. Здесь воля потерпевшего определяет само существование уголовного преследования до тех пор, пока частный обвинитель поддерживает обвинение, процесс развивается, а его отказ, как правило, прекращает производство у мирового судьи. Формальные требования к заявлению, полномочия по возвращению заявления и прекращению дела, процессуальный статус частного обвинителя и пределы его усмотрения прямо урегулированы ст. ст. 318-319 УПК РФ и служат гарантиями от злоупотреблений и принуждения. В данном случае диспозитивность достигает максимума, но всё же остаётся в границах публичного контроля: суд проверяет действительность волеизъявления и отсутствие нарушений прав.

Влияние диспозитивности на реализацию состязательности прослеживается и вне специальных институтов. Право обвиняемого признавать либо не признавать вину, давать показания либо пользоваться молчанием, заявлять ходатайства о вызове свидетелей и исследовании доказательств, согласие или несогласие сторон с экспертизой, решение потерпевшего о предъявлении гражданского иска – это повседневные формы распоряжения правами, через которые формируется предмет доказывания и объём судебного следствия. При этом суд, оставаясь арбитром, обеспечивает равновесие процедурных возможностей и

пресекает злоупотребления, применяя инструменты публичного принуждения лишь там, где это необходимо для установления истины и соблюдения законности. Такая «связь» частного усмотрения и публичных гарантий и составляет сущность современного баланса принципов в уголовном процессе.

Доктрина неоднозначна в квалификации диспозитивности как самостоятельного принципа уголовного процесса. Часть авторов рассматривает её как межотраслевое начало публичного права, структурированное через частные полномочия участников и проявляющееся в поощрении восстановления нарушенных частных интересов [9]. Другие исследователи, опираясь на разработанный теоретиками права понятийный аппарат, усматривают в диспозитивности «второй слой» состязательности, обеспечивающий реальное наполнение формального разделения функций и позволяющий за счёт добровольных соглашений, признания вины и медиативных практик снижать нагрузку на правосудие без ущерба для справедливости [7]. Есть и подход, в соответствии с которым диспозитивность в уголовном процессе должна оставаться исключением, «вставленным» в публичную конструкцию строго очерченными окнами – примирением, штрафом, особым порядком – причём каждое такое окно сопровождается дополнительными фильтрами контроля и запретами на их применение при определённых составах и категориях преступлений [5].

Отдельного упоминания заслуживает связь между ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, где материально-правовая норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим «поддерживается» процессуальной процедурой прекращения дела. Смысл диспозитивности здесь в согласованном, добровольном восстановлении нарушенных частных интересов при соблюдении критерия впервые совершённого преступления небольшой или средней тяжести, тогда как публичные интересы охраняются через судебный контроль, запрет применения института в ряде категорий составов. В научной дискуссии поднимается вопрос о рисках «псевдопримирения», когда волеизъявление потерпевшего формально добровольно, но фактически обусловлено зависимостью или давлением; предлагаются дополнительные гарантии, включая обязательное участие прокурора и проверку полноты возмещения вреда, чтобы исключить использование диспозитивных механизмов для ухода от ответственности вопреки задачам уголовного судопроизводства [8]. В качестве альтернативы или дополнения к примирению законодатель ввёл судебный штраф (ст. 25.1 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ), где акцент смещён на публичную меру при сохранении частного интереса в возмещении ущерба; это также форма управляемой диспозитивности, ограниченной рамками публичного контроля [1].

Сложность соотношения диспозитивности и публичности особенно проявляется в делах частно-публичного обвинения. Закон требует заявления потерпевшего для возбуждения преследования, но, в отличие от дел частного обвинения, исключает прекращение вследствие примирения, поскольку объектом охраны выступают не только частные, но и значимые публичные блага. Такой подход поддерживает идею, что диспозитивность в уголовном процессе – это дозированная автономия, подчинённая требованию охраны правопорядка и задачам правосудия. Судебная практика и позиция органов прокуратуры постоянно подчёркивают, что публичное начало определяет «красные линии» частного усмотрения: где велик риск причинения вреда публичным интересам, диспозитивность отодвигается, а где возможно возвращение и восстановление социальной справедливости без ущерба для общего правопорядка – закон даёт сторонам больше пространства для соглашений [6].

Реализация диспозитивных начал в современном российском уголовном судопроизводстве проявляется через совокупность процессуальных институтов, позволяющих участникам дела по собственной воле и в предусмотренных законом пределах влиять на возникновение, движение и завершение уголовного преследования. Нормативную рамку задают положения о видах уголовного преследования и публичных обязанностях органов расследования и прокуратуры, поскольку именно распределение сфер публичного и частного начала определяет допустимые границы автономии сторон.

Частное обвинение демонстрирует максимальную степень диспозитивности, поскольку инициирование дела и поддержание обвинения зависят от волеизъявления потерпевшего. Закон требует подачи заявления, соответствующего формальным признакам, непосредственно в суд; заявитель предупреждается об ответственности за заведомо ложный донос, а мировой судья уполномочен как возвращать заявление для устранения недостатков, так и отказывать в принятии при их неустранении. В ст. 318 УПК РФ детально регламентированы требования к заявлению и порядок его подачи, а ст. 319 УПК РФ конкретизирует полномочия мирового судьи по проверке соблюдения формы, подготовке дела и прекращению производства при отказе частного обвинителя от обвинения. Судебные разъяснения фиксируют, что при заявлении сторонами о примирении судья не вправе отказать в прекращении дела, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом, что подтверждает приоритет подлинного волеизъявления сторон при сохранении публичных «красных линий». В научной оценке И.А. Моисеевой сравнительный анализ спорных ситуаций на постсоветском пространстве показывает, что именно точная формализация усмотрения суда предотвращает «приватизацию» публичных интересов при частном обвинении [4].

Примирение сторон, предусмотренное ст. 25 УПК РФ в системной связи со ст. 76 УК РФ, представляет собой наиболее «миролюбивый» диспозитивный инструмент, ориентированный на восстановление нарушенных частных интересов при соблюдении материально-правовых и процессуальных критериев. Условиями выступают впервые совершённое преступление небольшой или средней тяжести, факт примирения и заглаживания причинённого вреда, а также добровольность и осознанность согласия потерпевшего. Прекращение по этому основанию возможно в любой момент до удаления суда в совещательную комнату, включая стадию предварительного расследования, при этом суд проверяет реальность компенсации и отсутствие принуждения. Дискуссия о правовой природе прекращения за примирением отражена у В. Ю. Стельмаха, который подчёркивает, что преступление как публичное нарушение не может быть «объектом сделки», а компромисс допустим лишь при обеспечении интересов правопорядка и с учётом степени восстановительной справедливости [8]. Судебная практика ориентирует суды на исследование не только факта передачи денег или имущества, но и соответствия компенсации характеру и размеру причинённого ущерба. Прокурорский надзор в таких делах направлен на пресечение фиктивных примирений, когда формальная «расписка» маскирует давление или угрозу. Эти ориентиры подтверждаются разъяснениями и официальными публикациями правоприменительных органов, акцентирующими необходимость реального возмещения вреда и проверки всех условий применения ст. 76 УК РФ. В плане доктрины Л. Н. Древаль указывает на риск подмены целей наказания целями частной реституции и на необходимость поддержания материально-правовых фильтров, исключающих прекращение по делам, где наносится существенный вред общественным отношениям [3].

Судебный штраф как мера уголовно-правового характера (ст. 25.1 УПК РФ в связке со ст. 76.2 УК РФ) близок к примирению, но решает иную задачу: он позволяет прекратить уголовное дело или преследование при возмещении ущерба или ином заглаживании вреда, несмотря на отсутствие примирения с потерпевшим, когда восстановительная цель может быть достигнута публичной мерой. Закон подчёркивает два ключевых процессуальных элемента: право суда применить судебный штраф как по ходатайству стороны обвинения, так и по собственной инициативе, и временные рамки вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в апелляции до удаления апелляционного суда для вынесения решения. При этом судебный штраф не является наказанием и не влечёт судимости. Прокурорская практика в разъяснениях подчёркивает необходимость реальности заглаживания вреда и соразмерности меры обстоятельствам дела, а также недопустимость её применения при составах, исключённых законом.

Особый порядок принятия судебного решения по главе 40 УПК РФ – ключевой пример диспозитивного выбора обвиняемого, сопряжённого с процессуальной экономией и смягчением наказания. По ст. 314 УПК РФ основанием особого порядка является согласие обвиняемого с предъявленным обвинением; в ст. 315 и 316 регламентированы форма ходатайства, проверка судом добровольности и осознанности, пределы судебного следствия и мотивация приговора. Пределы обжалования приговора в таком порядке закреплены ст. 317 УПК РФ: соглашаясь на сокращённую процедуру, обвиняемый ограничивает свои апелляционные аргументы вопросами права, добровольности и справедливости наказания, но не фактическими обстоятельствами обвинения. Судебные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ настойчиво требуют от судов реальной проверки добровольности признания и информированности обвиняемого о последствиях выбора, а также сохранения состязательных начал в части исследования данных о личности, смягчающих и отягчающих обстоятельств и участия сторон в прениях по этим вопросам. Центральная правоприменительная проблема – недопустимость «механического» утверждения особого порядка без фактической проверки добровольности и без надлежащего разъяснения пределов апелляции; такой формализм противоречит публичному началу и подрывает доверие к правосудию. Научные оценки К. Д. Сироткиной подчёркивают, что исторически диспозитивность особого порядка складывалась на стыке идей процессуальной экономии и добровольного признания, однако современная практика требует усиления гарантий качества согласия и исключения «торга» доказательствами [7].

Досудебное соглашение о сотрудничестве, регламентированное главой 40.1 УПК РФ, выводит диспозитивность на уровень процессуального «контракта», в котором сторона защиты берёт на себя позитивные обязательства содействовать раскрытию и пресечению преступлений, а государство обещает процессуальные и материально-правовые преференции при назначении наказания и рассмотрении дела. Порядок заявления ходатайства на имя прокурора, обязательность участия защитника и сроки решения вопроса установлены ст. 317.1 УПК РФ; требования к содержанию и подписанию соглашения – ст. 317.3, причём соглашение подписывается прокурором, подозреваемым (обвиняемым) и защитником, а его содержание включает конкретный перечень действий по содействию следствию. Далее гл. 40.1 регулирует «режим» предварительного расследования, особенности судебного разбирательства и пределы оценки последствий сотрудничества. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 16 от 28.06.2012 с последующими изменениями обращает внимание судов на необходимость строгого соблюдения всех требований главы 40.1, включая проверку добровольности соглашения, реальности содействия, допустимости и достаточности доказательств, добытых с

его участием, а также на отсутствие ограничений для одновременного заключения соглашений с несколькими обвиняемыми по одному делу. Ключевые проблемы правоприменения связаны с дисбалансом переговорных позиций, когда мотивация к сотрудничеству сочетается с риском косвенного давления, с неопределённостью перечня действий по соглашению и с практикой «завышенных ожиданий» относительно смягчения наказания. В научной плоскости А.В. Сумачев акцентирует, что диспозитивные механизмы публичного права – и досудебное соглашение в их числе – должны иметь чёткие критерии добросовестности и контролируемости, иначе неизбежно размывание публичной функции уголовной юстиции [9].

Сопоставление указанных институтов позволяет увидеть общую конструкцию «управляемой диспозитивности», где свобода воли участника неразрывно связана с процедурными фильтрами и публичными гарантиями. Частное обвинение обеспечивает автономию потерпевшего, но ограничивается формой и судебным контролем мирового судьи; примирение возвращает конфликт в русло восстановительной справедливости при обязательной компенсации и добровольности; судебный штраф восполняет случаи, когда примирение невозможно, но вред можно загладить с публичной мерой; особый порядок обеспечивает процессуальную экономию при осознанном признании вины и ясных апелляционных границах; досудебное соглашение соединяет сотрудничество с государством и индивидуализацию ответственности при жёстких проверках реальности содействия. В каждом из институтов «красные линии» проводит законодатель, а конкретное содержание пределов определяют суд и прокурор. В научной дискуссии Д.С. Сиротина подчёркивает, что оптимальный баланс достигается не расширением диспозитивности как таковой, а выверенной настройкой её процессуальных гарантий, обеспечивающих равенство процедурных возможностей, реальную добровольность и проверяемость результата [6].

Практические затруднения последних лет группируются вокруг трёх блоков. Во-первых, это проверка добровольности и осознанности волеизъявления: в частном обвинении – отказ от обвинения и примирение, в особом порядке – признание вины и согласие на ограничение апелляции, в досудебном соглашении – принятие встречных обязанностей. Недостаточность судебного диалога с участниками и формализация протокольных разъяснений приводят к отменам приговоров и прекращения, поскольку суд апелляционной инстанции усматривает нарушение прав. Во-вторых, это обеспечение реальности заглаживания вреда при прекращении по ст. 25 УПК РФ и при назначении судебного штрафа: не всякая расписка и не всякое «согласие» потерпевшего отражают полноценное восстановление нарушенных интересов, и именно здесь публичный контроль через участие прокурора и мотивированное судебное постановление предотвращает профанацию института.

В-третьих, это пределы «торга» в особом порядке и при соглашениях: необходимость сохранить стандарт допустимости и достаточности доказательств, не допуская раскрытия доказательственной «тайны» на переговорах и не подменяя судебное исследование предметом договорённости. В этой части А.А. Подопригора обращает внимание на то, что диспозитивность в уголовном процессе правомерна постольку, поскольку она усиливает справедливость и эффективность, а не «расчётную» скорость производства [5]. В качестве ориентиров для практики следует считать обязательными тщательную проверку судом добровольности каждого волевого акта, документирование условий примирения и соглашений, проверку полноты возмещения вреда, а также мотивированное обоснование соразмерности применяемых мер. Усиление этих механизмов позволяет сохранить необходимое пространство для частной автономии, не разрушая публичного каркаса уголовной юстиции.

В итоге реализация диспозитивных начал через частное обвинение, примирение, судебный штраф, особый порядок и досудебное соглашение демонстрирует эволюцию российского процесса в сторону восстановительных и экономичных форм разрешения конфликта при сохранении публичного контроля. Частное усмотрение в этих институтах является инструментом, а не самоцелью; оно помогает индивидуализировать реакцию государства при условии, что суд и прокурор обеспечивают реальность компенсации, добровольность согласия и недопущение злоупотреблений. Современная практика и доктрина сходятся в том, что диспозитивность остаётся «управляемой» и должна сопровождаться усилением процессуальных гарантий, особенно в уязвимых категориях дел и при соглашениях, где асимметрия переговорной силы наибольшая. Такая модель соответствует задачам уголовного судопроизводства, поскольку соединяет защиту публичных интересов с уважением автономии личности, а её дальнейшее развитие требует точечных настроек фильтров, а не механического расширения сферы частной инициативы. Позиции А.В. Сумачева о критериях добросовестности публично-правовых диспозитивных механизмов и выводы В.Ю. Стельмаха о границах компромисса отражают устойчивый вектор на укрепление гарантий и прозрачности при сохранении эффективности [9], [8].

Современная эволюция уголовного судопроизводства идёт по траектории «управляемой диспозитивности», где автономия воли участников допускается постольку, поскольку она встроена в публичный каркас и обслуживает задачи правосудия. Исходной координатой остаётся разграничение сфер публичного и частного начала, очерченное видами уголовного преследования и обязанностью государства по преследованию преступлений публичного и частно-публичного обвинения (ст. 20, 21 УПК РФ), а предельные «окна»

частного усмотрения заданы институционально – примирение (ст. 25 УПК РФ), судебный штраф (ст. 25.1 УПК РФ), особый порядок (гл. 40 УПК РФ), досудебное соглашение (гл. 40.1 УПК РФ). В такой конструкции расширение диспозитивности оправдано лишь там, где оно не разрушает превалирующий публичный интерес, а проверяемо повышает индивидуализацию реакции и восстанавливает нарушенные права потерпевшего; именно эта логика позволяет видеть в диспозитивных механизмах не «приватизацию» правосудия, а инструмент процессуальной экономии, гуманизации и восстановления социальной справедливости [9, с. 356].

Институт судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ в связке со ст. 76.2 УК РФ) выступает «замещающим» средством, когда примирение невозможно или не достигнуто, но вред заглажен, и публичная мера позволяет прекратить дело. Пределы расширения этого основания целесообразно увязывать с чёткими критериями достаточности заглаживания вреда, поскольку иначе возникает эффект «неравной доступности» прекращения в зависимости от имущественного положения обвиняемого. Практика должна исходить из того, что судебный штраф – нереабилитирующее решение, которое возможно «до удаления суда в совещательную комнату», в том числе в апелляции (прямое указание закона), однако допуск к этой мере должен сопровождаться мотивированной оценкой судом восстановления нарушенных частных интересов и влияния прекращения на публичные интересы, что требует стандартизированного описания в судебном акте.

Особый порядок (гл. 40 УПК РФ) сохраняет значительный потенциал процессуальной экономии, но требует дальнейшей стандартизации проверки добровольности и осознанности согласия, особенно с учётом ограничений апелляционного обжалования. Закон прямо предписывает суду удостовериться, что ходатайство заявлено добровольно, после консультаций с защитником, и что обвиняемый осознаёт характер и последствия выбора; одновременно необходимы отсутствие возражений со стороны обвинителя и потерпевшего (ст. 314 УПК РФ). Для исключения формализма целесообразно внедрить унифицированный судебный «коллоквиум» с фиксируемыми вопросами о понимании пределов апелляции, о согласии с фабулой обвинения именно в предъявленной редакции и о добровольности решения без переговорного давления. В качестве методической меры следует рекомендовать обязательное документирование полноценного участия защитника, включая краткую фиксацию консультаций и подтверждение отсутствия конфликта интересов. Уточнение этих процедурных «якорей» не меняет норму, но предотвращает оспаривание приговора по мотивам формального подхода к проверке согласия и поддерживает баланс публичности и диспозитивности, на необходимости которого настаивает доктрина [7, с. 399].

Досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) демонстрирует «максимальную» договорную природу диспозитивности и потому нуждается в наиболее жёстких гарантиях справедливости, проверяемости и добросовестности. Уже по ст. 317.1 УПК РФ ходатайство подаётся прокурору в письменном виде и подписывается защитником, что институционально «вшивает» в процедуру профессиональную правовую помощь; однако для устойчивости практики требуется, чтобы суд при контроле соглашения проверял не только формальные признаки, но и реальную ценность предоставленного содействия: новизну, полноту, проверяемость и допустимость полученных сведений. Практика расширения этого института допустима при условии, что «цена» соглашения – в части смягчения наказания и особенностей разбирательства – пропорциональна фактическим результатам сотрудничества, иначе «торговая» модель вытеснит доказывание по существу и породит недобросовестные стимулирующие эффекты. Разумным направлением совершенствования видится закрепление в разъяснениях критериев оценки содействия (например, подтверждение из независимых источников, причинно-следственная связь между действиями обвиняемого и достижением процессуального результата, отсутствие признаков провокации) и стандартов фиксации переговоров, исключающих недопустимое давление. Системная перспектива требует удерживать досудебное соглашение в поле публичных функций уголовной юстиции, не превращая его в «альтернативу» обычному доказыванию [9, с. 361].

Отдельного очерчивания требуют границы расширения диспозитивных начал в делах с повышенной концентрацией публичного интереса и уязвимости потерпевшего. Для дел частно-публичного обвинения неприменимость прекращения за примирением логична и должна соблюдаться беспрекословно; любые предложения о «смягчающих» вариациях в этой зоне противоречат конструкции ст. 20 УПК РФ и охраняемым благам. В делах о преступлениях против несовершеннолетних, в семейно-бытовых конфликтах и при очевидной асимметрии переговорной позиции расширение диспозитивности оправдано только при усилении процессуальных гарантий: обязательном участии прокурора, проверке отсутствия давления, углублённой оценке «реальности» заглаживания вреда, возможно – при обязательной психолого-педагогической экспертизе добровольности согласия потерпевшего. Сопоставление с практикой государств постсоветского пространства показывает, что без точного описания пределов усмотрения суда и прокурора «консенсусные» процедуры неизбежно дрейфуют к подмене публичного интереса частным, поэтому любые шаги к расширению должны быть компенсированы контролируемостью и прозрачностью [4, с. 86].

Методическая подстройка процесса – не менее важная, чем законотворческая. Устойчивость диспозитивных решений во многом определяется качеством протокольной

фиксации и мотивировки. На уровне судебных алгоритмов целесообразно ввести стандартизированный протокол проверки добровольности и осознанности: в примирении – от источника компенсации и отсутствия давления до осознания последствий прекращения и отказа от поддержания обвинения; в особом порядке – от понимания пределов апелляции до подтверждения согласия с конкретной фактурой и квалификацией; при судебном штрафе – от доказательств заглаживания вреда до оценки его достаточности; при соглашении – от перечня действий по содействию до их фактической результативности и проверяемости. Для прокурора уместен чек-лист критериев возражения или поддержания диспозитивного решения; для следователя – шаблоны фиксации переговоров, исключаящие давление и недопустимые обещания. В научном плане такая методизация прямо вытекает из публично-правовой природы процессуальной формы и позволяет гарантировать равенство процедурных возможностей участников [6, с. 158].

Законодательные коррективы должны быть точечными. В части ст. 25 УПК РФ представляется обоснованным закрепить требование мотивированной оценки соразмерности возмещения и презумпцию достаточности полного покрытия документально подтверждённого ущерба при отсутствии возражений потерпевшего; для ст. 25.1 УПК РФ полезно прямо обозначить ориентиры «достаточности» заглаживания вреда с учётом характера и размера последствий деяния, чтобы выровнять подходы и снизить риск имущественной дискриминации. Для гл. 40 УПК РФ уместно законодательно ввести минимальный перечень вопросов суда обвиняемому, подлежащих обязательной фиксации, – это укрепит предсказуемость и качество особого порядка без усложнения процедуры. Для гл. 40.1 УПК РФ разумно уточнить критерии «полезности» содействия и запретить использование недопустимых доказательств, полученных в результате соглашения, независимо от его исполнения; такое уточнение гармонизирует публичную функцию доказывания и договорную природу института [5, с. 171].

С теоретической точки зрения предел расширения диспозитивности проходит там, где её дальнейшее усиление начинает снижать плотность публичных гарантий справедливости, равенства и превенции. Примирение и судебный штраф, будучи нереабилитирующими, допустимы лишь при реальном восстановлении нарушенных благ и при явной общественной пригодности прекращения; особый порядок – при неизменном стандарте судебного контроля и сохранении минимума состязательных начал; досудебное соглашение – при доказуемой пользе для раскрытия и пресечения преступлений, а не как «короткий путь» к снижению наказания. В этом смысле современный консенсус доктрины заключается не в максимизации частной автономии, а в поддержании «равновесия в точке эффективности», где частные и

публичные цели согласованы и процедурно зафиксированы. Такая рамка согласуется с назначением уголовной ответственности и границами её освобождения по ст. 76 и 76.2 УК РФ [1, ст. 76] и поддерживает системное понимание диспозитивности как вспомогательного, а не основного вектора уголовного судопроизводства [8, с. 136].

В результате предлагается выстроенная система: точечные законодательные уточнения критериев и процедурных «якорей»; унификация судебных методик проверки добровольности и достаточности заглаживания вреда; усиление прокурорского контроля за реальностью примирений и «ценой» соглашений; акцент на мотивированности судебных актов по каждому диспозитивному решению. В фокусе остаются публичные «красные линии» – дела частного публичного обвинения и категории, где уязвимость потерпевшего требует дополнительной защиты. Такой подход не сужает, а упорядочивает пространство частного усмотрения, делая его предсказуемым, проверяемым и тем самым легитимным в системе российского уголовного процесса.

На основании изложенного мы считаем, что расширение диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве оправдано только при условии одновременного усиления процессуальных гарантий и сохранения четких ограничений («красных линий») для дел, имеющих особую публичную значимость или затрагивающих интересы уязвимых потерпевших. Эти ограничения должны гарантировать защиту прав потерпевших, особенно уязвимых, и обеспечить соблюдение публичных интересов в делах, имеющих повышенную общественную значимость. Предложенные в работе методические рекомендации и точечные законодательные изменения направлены на повышение предсказуемости, легитимности и профилактической эффективности правосудия путем установления проверяемых критериев добровольности, достаточности и соразмерности при применении институтов, основанных на диспозитивности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
2. Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства: Сборник материалов круглого стола, Москва, 30 марта 2023 года. Москва: ООО «Типография», 2023. 144 с.
3. Древаль Л.Н., Шкурин А.В. О диспозитивности в уголовном праве // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11(174). С. 314-315.

4. Подопригора А.А., Мещерякова Я.Э. Диспозитивность в уголовном процессе Российской Федерации // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 23 марта 2023 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 168-171.
5. Сиротина Д.С. О публичности и диспозитивности в уголовном судопроизводстве и их значение // Национальный вестник Республики Крым. 2025. № 10. С. 153-159.
6. Сироткина К.Д. Формирование начал диспозитивности в уголовном процессе: роль трудов С.С. Алексева // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 394-401.
7. Стельмах В.Ю. Прекращение уголовного преследования по диспозитивным основаниям: компромисс или прощение? // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 122-143.
8. Сумачев А.В. Основы диспозитивности в публичном праве // Социальное управление. 2023. Т. 5, № 8. С. 355-362

DISPOSITIVENESS AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE, A MODERN VIEW

Gaevoy Alexander Ivanovich

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law and Forensic Science,
North Caucasus Branch,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russian Federation

Strelnikova Polina Andreevna

Master's Student,
North Caucasus Branch,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russian Federation;
Independent Researcher

Abstract. The contemporary Russian model of criminal procedure expands consensual and streamlined mechanisms while retaining the public nature of prosecution. This exposes the core issue of dispositivity's limits: where party autonomy enhances justice and efficiency, and where it risks displacing the public aims of adjudication. The legal framework is set by Articles 20, 21, 25, 25.1, Chapters 40 and 40.1 of the Code of Criminal Procedure in systemic linkage with Articles 76 and 76.2 of the Criminal Code; however, judicial techniques for testing voluntariness, the reality of reparation, and proportionality remain uneven in practice. The study aims to define permissible boundaries for expanding dispositive mechanisms and to formulate operational criteria for their use. Objectives include analysis of private prosecution, reconciliation, judicial fine, simplified judgment, and pre-trial cooperation; correlating these with the principles of publicity and adversariality; and

developing proposals for targeted legislative finetuning and standardized judicial control. Methodology relies on formal-legal and comparative analysis of the CCP and CC, system interpretation of the material-procedural interplay in terminations, review of recent court practice and prosecutorial guidance, doctrinal reconstruction of «managed dispositivity», and legal modeling of typical procedural scenarios. Findings show that a stable balance is achieved through verifiable criteria of voluntariness, sufficiency, and proportionality: a standardized judicial colloquy for simplified judgment; reasoned assessment of genuine compensation in reconciliation and judicial fines; and measurable benchmarks of the utility of cooperation agreements. Conclusion: any extension of dispositivity is justified only together with stronger procedural filters and preserved «red lines» for cases of heightened public interest and vulnerable victims; the proposed methodological and pinpoint legislative measures increase predictability, legitimacy, and preventive impact of justice.

Key words: dispositivity, publicity principle, adversarial procedure, private prosecution, reconciliation, judicial fine, simplified procedure, pre-trial cooperation agreement, voluntariness, reparation.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 01.09.2025).
2. Actual problems of theory and practice of criminal proceedings: Collection of materials of the round table, Moscow, March 30, 2023. Moscow: ООО «Типография», 2023. 144 p.
3. Dreval L.N., Shkurin A.V. On dispositivity in criminal law // Eurasian Law Journal. 2022. № 11(174). P. 314-315.
4. Podoprighora A.A., Meshcheryakova Ya.E. Dispositivity in the criminal process of the Russian Federation // Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedural activities and national security: Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, March 23, 2023. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics «RINH», 2023. P. 168-171.
5. Sirotina D.S. On publicity and dispositivity in criminal proceedings and their significance // National Bulletin of the Republic of Crimea. 2025. № 10. P. 153-159.
6. Sirotkina K.D. Formation of the principles of dispositivity in the criminal process: the role of S.S. Alekseev's works // Issues of Russian justice. 2023. № 26. P. 394-401.
7. Stelmakh V.Y. Termination of criminal prosecution on dispositive grounds: compromise or forgiveness? // Justice. 2022. Vol. 4, № 1. P. 122-143.
8. Sumachev A.V. Fundamentals of dispositivity in public law // Social management. 2023. Vol. 5, № 8. P. 355-362